

PKD

PHILIP K. DICK

THE PENULTIMATE
TRUTH

ФИЛИП К. ДИК

ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ
ПРАВДА

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д45

Philip K. Dick
THE PENULTIMATE TRUTH

Copyright © 1964, Philip K. Dick
Copyright renewed © 1992, Laura Coelho, Christopher Dick
and Isa Hackett. All rights reserved

Перевод с английского *В. Кумока*

Дизайн *Е. Куликовой*

Фото автора © Isa Dick Hackett

Дик, Филип Киндред.
Д45 Предпоследняя правда / Филип К. Дик ; [перевод с английского В. Кумока]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-211106-8

Идет Третья мировая война — точнее, так думают миллионы запертых в подземных бункерах людей. В течении пятнадцати лет они смотрят ежедневные передачи о нескончаемом ядерном уничтожении и молятся на всемогущего Защитника. Но на поверхности Земли царит иная реальность. И по всей планете эта тайна тщательно охраняется.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-211106-8

© В. Кумок, перевод на русский, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

1

ТУМАН МОЖЕТ ПРОБРАТЬСЯ ВНУТРЬ и достать тебя; да, он это умеет. У длинного и высокого окна своей библиотеки — озимандийского здания, сложенного из бетонных блоков, что раньше, в прежнюю эпоху, составляли выезд на Бэйшор Фривэй, — Джозеф Адамс застыл в раздумьях, наблюдая за туманом, пришедшим с Тихого океана. И, поскольку был вечер и мир понемногу погружался во тьму, этот туман пугал его столь же сильно, как и другой туман — тот, что был внутри, что не вторгался извне, а просто ширился, шевелился и заполнял пустые пространства тела. И обычно назывался одиночеством.

— Сделай мне коктейль, — жалобно попросила Колин сзади.

— Руки отсохли? — осведомился он. — Лимон себе выжать не можешь?

Он отвернулся от окна, от вида на мертвые деревья и океан за ними и отражения океана в небе, от висящей и наползающей темноты — и на секунду действительно задумался, не сделать ли ей кок-

тейль. Но потом он понял, что должен сделать и где должен быть.

Он уселся за стол с мраморной столешницей, что удалось вынести из разбомбленного дома на Раши-Хилл в бывшем городе Сан-Франциско, и включил риторизатор.

Недовольно буркнув, Колин удалилась в поисках кого-нибудь, кто сделает ей коктейль. Джозеф Адамс со своего рабочего места услышал, как она ушла, — и обрадовался этому. По какой-то причине — но здесь он очень уж не хотел заниматься особенным самокопанием — Колин Хаккетт не спасала от одиночества, а скорей как раз наоборот. Да и все равно воскресными вечерами коктейли у него никогда не получались; всегда выходили слишком сладкими, словно бы кто-то из его лиди откопал бутылку токайского, а он использовал ее в коктейле вместо сухого мартини. Забавно, но лиди, оставленные без контроля, сами по себе никогда не допускали такой ошибки... уж не дурной ли это знак, задумался Джо Адамс. Уж не становятся ли они умнее нас?

Он аккуратно набрал на клавиатуре риторизатора основное слово. *Белка*. Затем, через добрых две минуты тяжелого, медленного раздумья, — ограничивающий эпитет *умная*.

— Окей, — сказал он вслух и откинулся, нажимая кнопку ввода.

Колин вошла обратно в библиотеку, уже с бокалом джин-тоника, а риторизатор тем временем начал для него выдачу в аудиоформате.

— Это старая мудрая белка, — механическим голосом заговорил он (колонка была всего лишь двухдюймовая), — и все же мудрость этой крохи не принадлежит только ей; природа одарила ее...

— О гос-споди! — злобно рявкнул Джо Адамс, шлепком выключая изящный аппарат из стали и пластика; тот смолк. Тут он заметил Колин. — Извини. Я просто устал. Отчего бы им, Броузу, или генералу Хольту, или маршалу Харензани, ну хоть *кому-нибудь* на высоких ответственных должностях, не перенести воскресный вечер куданибудь между днем пятницы и...

— Дорогой, — со вздохом сказала Колин. — Я ведь слышала, ты ввел только две семантические единицы. Дай машине больше.

— Сейчас дам, мало не покажется. — Он нажал кнопку возврата и набрал целую фразу, а Колин стояла у него за плечом, потягивая коктейль и наблюдая. — Так годится?

— Знаешь, я иногда не могу понять, — сказала Колин. — То ли ты страстно любишь свою работу, то ли ненавидишь ее. — Она прочла вслух то, что он написал: — Хорошо информированная дохлая крыса возилась под онемевшим розовым бревном.

— Слушай, — сказал он хмуро. — Я хотел бы посмотреть, что эта дурацкая приблуда, которая влетела мне в пятнадцать тысяч ЗапДем-долларов, с этим сейчас сделает. Я совершенно серьезно, и я жду. — Он резко ткнул в кнопку ввода.

— А когда должна быть готова речь? — спросила она.

- Завтра.
- Просто встань пораньше.
- Ну нет. — С утра я ненавижу все это еще больше, подумал он.

Риторизатор подбавил певучей народности в свой стрекочущий голосок.

— Всем известно, крыс мы считаем недругами. Но гляньте, сколько от них пользы хотя бы при одном только изучении рака. Скромная крыса внесла свою лепту и сослужила неоценимую службу человечеств...

И вновь раздраженный жест заставил машину замолчать.

— ...ву, — равнодушно закончила Колин; она рассматривала настоящий бюст Эпштейна, откопанный когда-то давно и теперь занимающий место в нише, что разделяла полки с книгами у западной стены, на которых Джозеф Адамс хранил свои справочные материалы по телерекламе прошлого, ушедшего великого двадцатого века, в особенности творения Стэна Фреберга, вдохновленные религией и батончиками «Марс».

— Жалкая метафора, — промурлыкала она. — Лепта... «лепта» — значит «легкая» по-гречески, это мелкая монета, сотая часть драхмы, но я могу спорить, что даже такой профессионал, как ты, этого не знал. — Она кивнула явившемуся на ее вызов лиди. — Принеси мой плащ, и пусть мой флэппл подгонят к главному входу. — Она продолжила, обращаясь уже к Джо: — Я возвращаюсь на свою виллу.

Когда он не отреагировал, она спокойно сказала:

— Джо, попробуй без этого приспособления, напиши всю речь своими словами. И тогда тебе не придется злиться на крыс с лептами.

Искренне сомневаюсь, что получится своими словами, без помощи машины, подумал он. Я уже подсел, уже без нее не могу.

На улице туман одержал сокрушительную победу; один лишь взгляд вскользь, и стало ясно, что туман заселил весь мир целиком, вплоть до окна его библиотеки. Ну и хорошо, решил он, зато обойдемся без очередного сияющего от радиоактивной-пыли-на-веки-вечные заката.

— Ваш флэппл, мисс Хаккетт, — объявил лиди, — у главного входа; и по удаленной связи я слышу, что ваш шофер, лиди тип два, придерживает дверь открытой для вас. Ввиду вечерней сырости один из служителей мистера Адамса будет обдувать вас теплым воздухом, пока вы благополучно не окажетесь внутри.

— Господи, — сказал Джозеф Адамс и покачал головой.

— Это ты обучал их, дорогой, — заметила Колин. — Это создание восприняло свои драгоценно-жаргонные лингвистические привычки прямиком от тебя.

— Потому что, — сказал он с горечью, — я люблю стиль, пафос и ритуалы. — И, оправдываясь перед ней, продолжил: — Броуз написал мне в служебной записке — она поступила в Агентство прямиком из его бюро в Женеве, — что эта речь

должна использовать белку в качестве понятия-оператора. Ну что можно сказать о белках такого, что никто до тебя не говорил? Они делают запасы; они скряги. Это мы знаем. Но делают ли они еще хоть что-то доброе, о чем мы знаем, — такое, на что можно *нацепить* эту проклятую мораль?

А еще, подумал он, они все мертвы. Эта форма жизни больше не существует. Но мы все еще пре-возносим их достоинства... истребив их полностью как класс.

И он быстро и точно набрал на клавиатуре риторизатора две новые семантические единицы. *Белка. И — геноцид.*

Вскоре машина начала рассказ.

— Удивительно смешное происшествие стряслось со мной вчера по пути в банк. Я случайно проходил через Центральный парк, а вы знаете, как...

Не веря собственным ушам, Джо злобно взглянул на машину.

— Ты вчера проходил через Центральный парк? Четырнадцать лет, как нет никакого Центрального парка.

— Джо, это же просто машина. — Уже в плаще, Колин забежала на минутку, чтобы поцеловать его на прощание.

— Но эта штука сошла с ума, — возразил он. — И она сказала «смешное», когда я задал *геноцид*. Ты...

— Она вспоминает, — попыталась объяснить ему Колин; на мгновение присев, она коснулась его лица пальцами и заглянула ему прямо в глаза.

— Я люблю тебя, — сказала она, — но ты так умрешь; взорвешься от перенапряжения. Я отправлю Броузу формальный запрос через свой офис в Агентство, попрошу дать тебе две недели отпуска. У меня есть кое-что для тебя, подарок; один из моих лиди выкопал это близ моей виллы; в законных границах моего поместья, после того небольшого обмена, что мои лиди устроили с соседями с севера.

— Книга. — Он почувствовал внутри себя проблеск, вспыхнувшее пламя жизни.

— И притом исключительно хорошая, настоящая довоенная, не ксерокопия. И знаешь о чем?

— «Алиса в Стране чудес». — Он так много о ней слышал; всегда хотел прочесть ее, иметь у себя.

— Еще лучше. Одна из тех невероятно смешных книжек из шестидесятых годов — и в хорошем состоянии, целы передняя и задняя обложки. Книжка по самосовершенствованию; «Как я привел себя в норму при помощи лукового сока» или что-то подобное. «Как я заработал миллион долларов, ведя для ФБР двойную с половиной жизнь». Или...

Он сказал:

— Колин, я как-то выглянул в окно и увидел белку.

Она уставилась на него.

— Не может быть.

— Этот хвост; ты ни с чем его не спутаешь. Круглый, и толстый, и серый, как ершик для бутылок.

И они прыгают — вот так. — Он постучал пальцами о ладонь, показывая ей, но и сам пытаясь заново это увидеть. — Я завопил; я погнал четверых своих лиди туда с... — Он пожал плечами. — И все равно в итоге они вернулись и доложили: — Там нет такой вещи, доминус, или еще как-то, черт бы помнил.

Он помолчал. Конечно, это была гипногаллюцинация — слишком много спиртного, слишком мало сна. Он это знал. И лиди знали. А теперь и Колин тоже узнала.

— И все же только представь, — упрямо закончил он.

— Вот и напиши своими словами, что ты почувствовал. Вручную, на бумаге — не диктуй на магнитофон. Что означало для тебя увидеть живую и здоровую белку. — Она пренебрежительно махнула в сторону его дорогущего риторизатора. — Не то, что *он* думает. И тогда...

— И тогда Броуз самолично вычеркнет это, — сказал он. — Может, я и пробью это через компьютер, в симулякр, а потом и на пленку; да, это может пройти так далеко. Но это никогда не пройдет Женеву. Потому что по факту мои слова не будут значить «Давайте, ребята; двигаем дальше». А будут они значить... — Он задумался над тем, чтобы для разнообразия успокоиться. — Хорошо, я попробую, — решил он и встал, оттолкнув свое старинное плетеное кресло. — Ладно, я даже запишу это от руки; найду... как они называются?

— Шариковую ручку. Посмотри на свою руку, ты можешь ею задать кому-то взбучку. Рука и взбучка: вот и получится ручка.

Он кивнул.

— И запрограммировать компьютер напрямую через рукопись. Может быть, ты и права; это загонит меня в депрессию, но хотя бы тошнить так не будет; ненавижу эти желудочные спазмы. — Он начал искать по библиотеке — как бишь она это назвала?

Все еще выполняющий программу риторизатор пищал сам для себя:

— ...и вот эта маленькая зверюшка; в крохотной головке умища запаковано жутко много. Может быть, мы с вами и представить не сможем, насколько много. И я думаю, мы можем у нее поучиться.

И так далее и тому подобное. Внутри машины тысячи мельчайших деталей раскручивали проблему, пользуясь дюжиной инфобарабанов; это могло тянуться буквально без конца, но Джо Адамс был занят; он уже нашел ручку, и теперь оставалось найти чистый лист белой бумаги. Черт, ну *это-то* у него точно должно было быть; он подозревал лиди, который ждал Колин, чтобы проводить ее в свой флэппл.

— Подними весь персонал, — приказал он, — на поиски писчей бумаги для меня. Прочешите все комнаты виллы, включая спальни, даже неиспользуемые. Я отчетливо помню, что видел том или пакет бумаги, или в чем она там выпускалась. Его точно откопали.

По прямой радиосвязи лиди передал команду дальше, и Джо Адамс почувствовал, как здание зашевелилось, все пятьдесят с лишним комнат, как его персонал бросился выполнять команду с того места, на котором она его застала. Он, доминус, буквально собственными ступнями почувствовал кипящую в этом его доме жизнь, и даже внутренний туман отчасти рассеялся, пусть они все и были лишь теми, кого чехи называли *роботами*, странным славянским словом, означающим *рабочие*.

Но снаружи туман по-прежнему скребся в стекло.

А когда Колин уедет — знал он, — туман станет царапаться и скрестись еще упорнее, пытаясь попасть внутрь.

Он страстно захотел, чтобы уже настал понедельник, чтобы он уже был в Агентстве, в своем офисе в Нью-Йорке, чтобы его окружали коллеги. И тогда жизнь вокруг не была бы движением мертвых — ну хорошо, неживых — вещей. А самой реальностью.

— А я отвечу тебе, — сказал он неожиданно. — Я люблю свою работу. Собственно говоря, я должен работать; кроме нее, ничего ведь и нет. Не это же все... — Он обвел жестом комнату, в которой они стояли, потом указал на серое, затянутое туманом окно.

— Как наркотик, — сказала Колин проницательно.

— Окей, — кивнул он. — Используя старинное выражение, могу сказать, что ты прям в девятку.

— Эх ты, лингвист, — мягко сказала она. — Правильно — *в десятку*. Может быть, тебе все же стоит использовать эту машину?

— Нет, — тут же сказал он. — Ты была права; я собираюсь пройти назад до самого начала и по-пробовать напрямую, лично от себя.

Уже вот-вот кто-то из его персонала должен был, цокая, подойти с чистой белой бумагой; он был уверен, что где-то у него она хранится. А если и нет, то всегда можно поменяться на что-нибудь с соседом, совершив путешествие — безусловно, в окружении и под защитой своей свиты — на юг, в усадьбу и виллу Ферриса Грэнвилла. А уж у Ферриса бумага точно есть; он на прошлой неделе рассказывал им всем на видеоконференции о том, что, господи прости, пишет мемуары.

Что бы, черт продери — или подери, или раздери, — ни значило слово «мемуары».